

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СМЕРТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена конвенционально употребляемым языковым выражениям с компонентом *der Tod*. Анализ проводится на основе методики, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, и позволяет определить метафорические образы категории смерти, существующие в немецком языковом сознании. Выявлен широкий спектр сочетаемостных предикатов, что свидетельствует о богатой образной структуре категории смерти.

Ключевые слова: категория, мышление, языковое сознание, метафора, язык.

Одной из отличительных мыслительных особенностей человека является «метафорическая компетенция» [Fries, 2000. S. 95]. Она обуславливает возможность обозначать предметы и явления окружающего мира символически, когда в процесс означивания включаются компоненты имеющейся системы знаний. Таким образом, неизвестное определяется через известное, а более далекое от интересов – через более близкое.

Данная мыслительная способность особенно полезна для познания абстрактных сущностей, актуализируемых в языке абстрактными именами. Для абстрактных имен легче найти такой контекст, в котором стоящее за ним явление воспринимается как нечто материальное, чем такой, из которого можно было бы заключить что-либо о его истинной абстрактной сущности [Успенский, 1997. С. 150].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, всю нашу жизнь пронизывают метафоры. Все понятия, которыми оперирует человек, осознанно или неосознанно, подчинены метафорам, структурирующим наши действия, восприятие и мышление, что, в свою очередь, находит отражение в языке [Lakoff, 1998]. Анализируя конвенционально употребляемые языковые выражения, связанные с жизнью, они выделили следующие метафорические модели ее восприятия: DAS

LEBEN IST EIN GEFÄSS (ЖИЗНЬ – СОСУД): Ich habe ein *erfülltes Leben* gehabt [Ibid. S. 64].

Наличие в жизни ситуаций, в которых велика роль случая, когда нужно рисковать, делает ее похожей на азартную игру. DAS LEBEN IST EIN GLÜCKSSPIEL (ЖИЗНЬ – АЗАРТНАЯ ИГРА): Ich habe *schlechte Karten* [Ibid.].

В данной работе мы проанализируем метафору в языковой актуализации категории смерти, рассмотрев конвенционально употребляемые языковые выражения с лексемой *der Tod*, и определим чаще всего используемые образы для *Tod* в немецком языковом сознании.

Прежде всего, следует отметить персонификацию смерти, которая содержит в немецком языке целый ряд их имплицитных образов, или, в терминологии Л. О. Чернейко, гештальтов [1997]. В языке это явление выражается предложениями, в которых *der Tod* выступает в качестве субъекта. Смерть рассматривается при этом как независимая от человека величина, обладающая определенными качествами и совершающая какие-либо действия.

Сочетающиеся с *der Tod* предикаты можно объединить в следующие группы.

1. Глаголы движения: *Der Tod kommt, läuft. Der Tod tritt ein, geht.*

2. Глаголы действия: *Der Tod macht, führt, schafft, trifft.*

3. Процессуальные глаголы: *Der Tod tanzt, spielt.*

4. Глаголы говорения (verba dicendi): *Der Tod ruft.*

5. Глаголы состояния: *Der Tod scheint. Der Tod steht j-m.*

6. Глаголы с семантикой обладания: *Der Tod hat etwas, beherrscht etwas.*

В персонифицированном образе находит отражение стереотипное негативное отношение человека к смерти. Крылья, руки, ладони, когти, зубы – обязательные внешние атрибуты смерти, поэтому уйти от нее сложно: *Da schleppt ein hilfloser Mensch ein Stückchen Leben mit sich herum, das er dem Auschwitzer Tod aus den Fingern gelistet hat* [Apitz, 1966. S. 57]. Но человек может противостоять смерти: *Es war das erste Mal, daß ich dem Tod gegenüberstand* [Becher, 1969. S. 394].

СМЕРТЬ – ВОИН (DER TOD IST EIN KRIEGER). В руках смерти обязательно есть оружие: стрелы, жало (в Библии: «Tod, wo ist dein Stachel?» 1. Korinther 15, 55) [Die Bibel, 1985], нож, топор, серп, коса, кандалы, веревка, сеть, либо ангел смерти. Художники изображают смерть как высохшего, тощего, гнусного старика, который абсолютно гол, у него отсутствуют уши, глаза, нос, но в его руках имеется серп или коса [Grimm, 1935]. Видимо, в этом кроется причина частого использования метафорического названия для смерти *der Schnitter* – «жнец, косарь».

Смерть состоит в близких отношениях со своей жертвой, она может быть другом (*Freund Hein*), кумом, приятелем (*Gevatter Tod*), а жертва становится ее ребенком (*ein Kind des Todes*). Между ними возможны и другие отношения, например: *Hochzeit des Todes* [TV – Today, 1999. S. 140]. *Der sanfte Kuß des Todes* [Ibid. S. 210]. Доброе отношение смерти обманчиво, она выжидает момент, чтобы нанести удар: *Das ist der Zyniker, der dir noch einen Blumenstrauß unter die Nase hält, wenn du einen letzten Jasper machst* [Apitz, 1966. S. 268].

Смерть может восприниматься в образе предмета, ВЕЩИ (DER TOD IST EIN DING). При этом в предложных конструкциях *Tod* является прямым или косвенным дополнением, то есть играет роль семантического объекта, над которым совершается

действие. Проанализированный языковой материал показывает, что соотношение предложных конструкции с субъектом *der Tod* и предложных конструкции с объектом *der Tod* равно 1 : 3. Данный факт позволяет говорить об «агентивной ориентации» носителей языка, которые считают себя хозяевами смерти, контролерами жизненных ситуаций (термин А. Вежбицкой [1997]).

Человек воспринимает себя как способного совершать действия над чужой смертью: говорить о ней (*sprechen von dem Tod*), изучать (*untersuchen*), распространять (*verbreiten*), ею наказывать (*mit dem Tod bestrafen*), узнавать о ней (*von dem Tod erfahren*), каузировать (*herbeiführen, verursachen*), давать (*geben*). Последнее из перечисленных действий может относиться и к своей смерти, потому что человек ищет ее (*suchen*), преследует (*dem Tod auf dem Spur sein*) и находит (*finden*).

Кроме того, лексема *der Tod* употребляется с притяжательными местоимениями или с именами собственными + -s (*sein Tod*), а также в генитивной конструкции (*der Tod eines Showgirls*), с глаголами или прилагательными со значением принадлежности (*O Herr, gib jedem seinen eigenen Tod*), тем самым подчеркивается, что она является собственностью того или иного человека.

Проанализированный материал свидетельствует о разнообразном употреблении *der Tod* в атрибутивных сочетаниях. Так, характеристики для смерти могут включать в себя морально-этическую оценку: хорошая (*gut*), злая (*böse*) смерть; эстетическую оценку: совершенная (*perfekt*), ужасная (*häßlich*) смерть; указывают на связь с временем: близкая (*nah*), быстрая (*schleunig*), долгая (*lang*), медленная (*langsam*), несвоевременная (*unzeitig*), ранняя (*früh*) смерть. Смерть определяют также по способу: естественная (*natürlich*), насильственная (*gewalt-sam*), по ощущениям: безболезненная (*schmerzlos*), мучительная (*qualvoll*), мягкая (*sanft*).

Отношение к смерти традиционно негативное, поэтому она не может быть ценностью. Однако, как показал имеющийся в нашем распоряжении языковой материал, отношение к ней как к предмету может быть вполне нейтральным, поскольку просто описываются совершаемые над ней действия: *Gib mir dein papierenes Leben und nimm mein papierlosen Tod!* [Remarque, 1981. S. 93].

Образ предмета для смерти дополняют описания их физических характеристик, таких как, например, веса. Смерть может быть тяжелой и невыносимой: *Es fiel ihm jetzt ein, daß sein Tod unvorstellbar schwer gewesen war* [Seghers, 1956. S. 84].

Смерть может вызывать противоречивые образы. Так, в отдельных случаях она функционирует как ДЕНЬГИ (DER TOD IST GELD): *Zu leicht ist ein Tod für die Schuld der Jungfrau* [Schwab, 1993. S. 25], а в других примерах сама требует дорогой платы, как правило, плата за нее – жизнь: *Nichts ist umsonst, sogar den Tod bezahlt man mit dem Leben*¹.

Среди других образов, эксплицируемых метафорами в немецком языке, можно выделить следующий: СМЕРТЬ – КАРТИНА (DER TOD IST EIN BILD): В цветовом и световом ракурсе проявляется общий тон смерти, имеющий отрицательный характер соответственно. У смерти есть свои цвета: *Farben des Todes* [TV – Today, 1999. S. 82], в основном – все темные тона: *...das Dunkle des Todes war der sanfte Schleier, der die ewige Schönheit umhüllt* [Apitz, 1966. S. 237]. *Immer enger, leise, leise, // Ziehen sich die Lebenskreise... // Und ist nichts in Sicht geblieben // Als der letzte dunkle Punkt*². Смерть может совсем не иметь цвета: *...es schmerzten mich auch die Farben, die auf die Augen wie grelles Blendwerk wirkten, nach der Farblosigkeit des Todes* [Becher, 1969. S. 178].

СМЕРТЬ – ПИЩА (DER TOD IST DAS ESSEN): Смерть, в основном, связана с горечью: *Trennung ist unser Los, // Wiedersehen ist unsere Hoffnung. // So bitter der Tod ist...³. Er ruft spielt süßer den Tod*⁴.

Смерть – это ПРЕДЕЛ, ГРАНИЦА (DER TOD IST EINE GRENZE): *Ihr sollt nicht um mich weinen, // ich habe ja gelebt. // Der Kreis hat sich geschlossen, // der zur Vollendung strebt*⁵. За этим пределом границы находится владение смерти, царство мертвых: *Sie hat längst kapiert, daß dies eine Reise in ihren Tod wird* [Wolf, 1997. S. 210].

Бессилие человека перед смертью стало причиной возникновения в языковом сознании образов природных явлений, а именно

воды. В подобном образе отражаются такие ее качества, как неконтролируемость, спонтанность и независимость от воли и сознания человека. СМЕРТЬ – ВОДА (DER TOD IST DAS WASSER): *Zerwühlt die Bettdecke, darunter der Tod wütete* [Becher, 1969. S. 221]. Последствия смерти похожи на штиль: *Traurigkeit ist Stille, ist Tod; Heiterkeit ist Regsamkeit, Bewegung, Leben*⁶.

Однако упомянутые образы и метафорические модели, на основе которых строятся языковые высказывания о смерти, не являются полным перечнем их возможных воплощений. Помимо традиционных, могут создаваться образы, детерминированные особенностями воображения отдельного человека.

Окказиональные представления смерти могут быть обусловлены:

- определенными политическими взглядами (например, национал-социалистическими): *Kinder töten ist Mord. Erwachsene töten ist eine Angelegenheit nationaler Ehre!* [Remarque, 1981. S. 100];

- предлагаемыми обстоятельствами, в которых находится человек: *Der Tod im Lager war dein Geselle. Der Tod vor dem Zaun ist dein Feind* [Apitz, 1966. S. 269]. Для людей, находящихся в лагере, смерть воспринимается по-разному: внутри лагеря – как товарищ, за пределами лагеря – как враг. *Der Tod ist ein Meister aus Deutschland*⁷. У поэта П. Целана, пережившего Вторую мировую войну в лагере и потерявшего всю семью, смерть – мастер из Германии. Именно МАСТЕР, т. е. знаток своего дела;

- индивидуальными особенностями наглядно-образного мышления и культурными традициями: *Erst jetzt sieht sie, daß das Totengerippe an Fäden hängt wie eine Marionette. Über dem Kopf des Todes schwingt sich ein blauer Adler auf. Er scheint aus dem Helm zu erwachsen. Unten im Bild reckt ein Skorpion seinen giftigen Stachel. Daneben eine Schlange. Der Tod tanzt zwischen dem gefährlichen Getier* [Wolf, 1997. S. 6–7]. Так принято изображать смерть на картах Таро. А. П. Бабушкин называет такие продукты человеческой фантазии «мифемами», изучать которые не только любопытно, но и необходимо, поскольку в данном случае

¹ URL: <http://www.gedicht-und-spruch.de/>

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ URL: <http://clubochek.ru/vers.php?id=7674>

⁵ URL: <http://www.gedicht-und-spruch.de/>

⁶ Ibid.

⁷ URL: <http://clubochek.ru/vers.php?id=7674>

особенно велик удельный вес культуры [1996. С. 39].

Итак, сочетаемость *Tod* в значительной мере обусловлена образными представлениями, метафорой, а также культурной традицией, закрепленной, в том числе, и в языке. Богатая образная структура смерти требует широкого спектра сочетаемостных предикатов. Образы, выделенные при анализе языковых конструкторов с компонентом *der Tod*, создают совокупные «образные картины» [Успенский, 1997] смерти, базирующиеся на ряде объединенных, порой несовместимых, с объективной точки зрения, представлений.

Список литературы

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка: Моногр. Воронеж, 1996.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997.

Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактного имени // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 147–152.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени: Моногр. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Fries N. Sprache und Emotionen. Freiburg: Verlagsgruppe Lübbe GmbH, 2000.

Lakoff G. Leben in Metaphern: Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern. 1. Aufl.

Heidelberg: Carl-Auer-Systeme, Verl. und Verl.-Buchh., 1998.

Список словарей

Grimm J. Deutsches Wörterbuch. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1935.

Список источников

Apitz B. Nackt unter Wölfen. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1966.

Becher J. R. Abschied. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1969.

Die Bibel. Nach Martin Luthers Übersetzung. Stuttgart: Deutsche Bibel – Gesellschaft, 1985.

Remarque E. M. Liebe Deinen Nächsten. Frankfurt / Main; Berlin; Wien: Ullstein GmbH, 1981.

Schwab G. Die schönsten Sagen des klassischen Altertums. Kehl: SWAN Buch – Vertrieb GmbH, 1993.

Seghers A. Das siebte Kreuz. Berlin: Aufbau Verlag, 1956.

Wolf K.-P. Das Gen des Bösen. München: Knauer, 1997.

TV – Today. 1999. No. 13.

URL: <http://clubochek.ru/vers.php?id=7674>

URL: <http://www.gedicht-und-spruch.de/>

Материал поступил в редколлегию 29.08.2013

I. I. Mishutkina

ROLE OF METAPHOR IN ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF DEATH (ON THE BASIS OF THE GERMAN LANGUAGE)

The following article deals with the conventionally used expression involving the component *der Tod*, employing the methods of analysis introduced by J. Lakoff and M. Johnson. It allows to define the metaphorical images of the category of death existing in the language conscience of German speakers. A wide range of predicates used with *der Tod* is revealed, testifying to a rich image structure of the category of death.

Keywords: category, language consciousness, metaphor, language.